

С.С. Мамонтов

**Смерть Пушкина:
драматические сцены**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.С. Мамонтов**
Смерть Пушкина: драматические сцены / С.С. Мамонтов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 36 с.

ISBN 978-5-517-96246-1

ISBN 978-5-517-96246-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Кабинетъ въ квартирѣ Пушкиныхъ. Вечеръ. Книжные шкафы. А. С. Пушкинъ сидитъ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами, передъ нимъ горятъ четыре свѣчи подъ зеленымъ колпакомъ. Онъ нервно грезеть перо и ерошитъ кудри.

Пушкинъ (перечитываетъ написанное).

«...Никому

Отчета не давать, себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливрей
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья,
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье, вотъ права...»

(Впадаетъ въ задумчивость, затѣмъ говоритъ)

Не въ силахъ я писать, какой-то пеленою
Окутанъ разумъ мой. Дѣла
Житейскія и люди клеветою
Меня осилили... и Муза отошла...
Хочу, какъ прежде, я мечтой летучей
Во храмъ проникнуть вѣчной красоты,
Подслушать тайны дивныя созвучій,
Съ восторгомъ обонять Парнасскіе цвѣты...

А тутъ, какъ разъ, предъявятъ вексель срочный,
Иль гнусность новую сплететь досужій свѣтъ,—
Въ единый мигъ изъ области заочной
Въ болото смрадное слетитъ поэтъ...

(Пауза. Стукъ въ дверь.)

Войди...

Лакей (входитъ съ письмомъ).

Письмо принеси нарочный.

Пушкинъ (беретъ письмо; лакей уходитъ).

Съ Кавказа... почеркъ Льва... Нетрудно угадать,—
Опять за проигрышъ расплата!..

(Пробѣгаетъ письмо)

Я такъ и зналъ: «пришли мнѣ тысячъ пять»...
Бѣда имѣть такого брата!..

Считаетъ онъ, что я какой-то Крезъ.

И денегъ проситъ безъ стѣсненья.

Откуда мнѣ ихъ взять? Мнѣ безъ того зарѣзъ...

А отказать мѣшаетъ сожалѣнье.

Не знаю, право, какъ мнѣ быть?!

(Пауза.)

Мой бѣдный Лелька, вѣтренъ ты и грѣшенъ,
Но все жъ не мнѣ тебя судить,—
Въ безпутныхъ шалостяхъ и я бывалъ замѣшанъ
И къ слабостямъ твоимъ обязанъ снисходить.

(Ходитъ по кабинету.)

Нѣтъ, надо мнѣ бѣжать изъ пагубной столицы,
Покинуть скучный свѣтъ и празднествъ вереницы!

Какъ рабъ измученный, стремлюся я на волю,
Туда, къ роднымъ полямъ, искать иную долю...
Работая въ тиши съ спокойною душою,
И близкимъ, и себѣ я счастье тамъ устрою.

(Останавливается у окна)

Теперь тамъ хорошо!... Сквозь дымку мѣсяцъ свѣтитъ,
Горячее чело морозный воздухъ встрѣтитъ;
Тамъ на вѣтвяхъ деревъ горитъ алмазный иней
И вѣтъ волею сводъ неба темносиній.

(Садится задумчиво къ столу. Входитъ Жуковскій.)

Жуковскій.

Сверчокъ, одинъ ты? Здравствуй, милый!

(Цѣлуетъ Пушкина)

Ого, въ рукахъ перо, морщины на челѣ!
Опять сатирую бичуешь свѣтъ постылый
И тайныхъ недруговъ, ютящихся во мглѣ?...

Пушкинъ.

Не до писанья мнѣ!... Предчувствіе невзгоды
Я въ сердцѣ скорбномъ затаилъ.
Ты помнишь ли, въ былые годы,
Я стансы какъ-то сочинилъ:

«Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ли въ многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды,
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережили онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости,
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время — тлѣть, тебѣ — цвѣсти.

День каждый, каждую минуту,
Привыкъ я душой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все жъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять».

Въ тѣ дни, стихи свои слагая,
По совѣсти, я самъ не очень вѣрилъ имъ...
Теперь же только въ нихъ душа моя больная
Находитъ отзвуки томленіямъ своимъ.

Жуковскій (послѣ раздумья).

Дружокъ, ты слишкомъ суетвренъ,
Унынье не къ лицу тебѣ.
Покорнымъ надо быть судьбѣ,
Но главное — призванію будь вѣренъ

И больше вѣрь себѣ.
Когда бы смертный зналъ грядущія печали,
И ждалъ бы ихъ, какъ узникъ казни ждетъ,
Мы бодрость бы навѣки потеряли,
Всѣ малодушно бы бѣжали отъ работъ
И въ мірѣ не было бѣ великаго искусства,
Не знали бѣ мы бессмертныхъ образцовъ,
Будящихъ сладостныя чувства
Въ груди усталой жизненныхъ борцовъ.

(Пушкинъ сидитъ, понурясь и не слушая.
Жуковскій говоритъ въ сторону)

Мораль не ко двору... (Пушкину) Ахъ, вотъ
припомнилъ кстати:
Письмо я получилъ и въ немъ къ тебѣ пакетъ,
Не знаю отъ кого, бумага безъ печати...

(Достаетъ изъ кармана конвертъ и подаетъ Пушкину.
Тотъ блѣднѣетъ, хватаетъ пакетъ и вскакиваетъ).

Голубчикъ, что съ тобой? Въ лицѣ кровинки нѣтъ!
Взволнованъ ты?

Пушкинъ (вскрикиваетъ).

Полна терпѣнья чаша!!...

(Ожесточенно рветъ письмо и
продолжаетъ въ сильномъ гнѣвѣ)

Посланье гнусное мнѣ шлютъ въ четвертый разъ...
Мерзавцы, гады!... Подлость ваша
Вамъ даромъ не пройдетъ! Настанетъ часъ...

Жуковскій (испуганно)..

Въ чемъ дѣло, другъ мой? Саша, Саша!

Пушкинъ (схватившись за голову,
ходить по комнатѣ и ста-
рается овладѣть собою).

О, Господи!... За что караешь насъ?
Моя Наташа — воплощенье
Добра, любви и красоты.
Ее полавъ мнѣ, Провидѣнье
Мои превысило мечты.
Я счастливъ былъ... Но свѣтъ не можетъ
Блаженства ближнихъ перенести:
Его немолчно зависть гложетъ,
Имъ колетъ глазъ чужая честь!...
Мелки и гнусны ихъ нападки
И возмутительны дѣла:
Бояся брошенной перчатки,
Они со мной играютъ въ прятки
И подло бьютъ изъ-за угла.
Подметныхъ писемъ, слуховъ грязныхъ
У нихъ запасы для меня,
Къ женѣ жъ они шутовъ развязныхъ
Пускаютъ... Шпорами звеня,
Съ усмѣшкой, эти идиоты
Повсюду смѣютъ ей шептать
Украдкой сальныя остроты,
Позоря въ ней жену и мать!..
Вся кровь во мнѣ огнемъ ревнивымъ
Горитъ, и, разумъ одолѣвъ,

Ужъ скоро грянетъ адскимъ взрывомъ,
Въ отвѣтъ нападкамъ, дикій гнѣвъ!..

(Пушкинъ бросается на диванъ. Жуковскій пораженъ. Пауза. Въ прихожей звонокъ. Пушкинъ вскакиваетъ и садится за столъ. Входятъ Загряжская и Наталья Николаевна.)

Загряжская.

Все сочиняетъ...

(Пушкинъ цѣлуетъ ей руку.)

Это что жъ, мой милый?
Должно быть пасквили опять?
Довольно, батюшка, помилуй,
А то тебѣ не слобровать!
Василь Андреичъ, хоть бы ты то,
Какъ старый другъ, его уговорилъ,—
И такъ сановники ужъ на него сердиты,
Опять бы онъ отъ насъ куда не угодилъ...
Жену бы пожалѣлъ...

Жуковскій (Загряжской).

Оставьте, онъ разстроень...
Какъ вамъ понравился сегодняшній балетъ?

Загряжская.

Скажите, нѣжности какія! Будь покоень,—
Возитесь съ нимъ, ей-ей, охоты нѣтъ...
Идемъ пить чай!

(Загряжская и Жуковскій уходятъ. Наталья Николаевна, стоявшая молча въ глубинѣ, бросается къ мужу.)

Наталья Николаевна.

Голубчикъ Саша, я убита,
Меня Геккеренъ оскорбилъ!
О, Пушкинъ, ты одинъ моя защита!..
Гоненья болѣе сносить нѣтъ силъ...

Пушкинъ (въ сторону).

Чась отъ часу не легче... (ей) Будь покойна,
Мой ангель. Вѣрь, сумѣю я
Раздѣлаться съ ватагой недостойной,—
Порукой въ томъ любовь моя.

(Цѣлуетъ ее въ голову)

Какъ было дѣло?

Наталья Николаевна.

Нынче изъ балета
Я вышла и ждала въ сѣняхъ,—
Моя замѣшкалась карета.
Вокругъ меня, на ступеняхъ,
Нарядная толпа тѣснилась въ ожиданіи;
Въ толпѣ стоялъ старикъ-баронъ.
Онъ мнѣ, съ улыбкою отвѣсивши поклонъ,
Сказалъ, нарушивъ общее молчанье:
«Rendez moi mon fils!
Il est à vous»... При этомъ
Въ толпѣ смѣшки украдкой раздались,
А онъ въ меня уставился лорнетомъ...
Я на глазахъ у всѣхъ сторѣла со стыда

И бросилась, едва сдержавъ рыданья,
Къ тебѣ сюда...

(Обнимая мужа)

Голубчикъ мой, пойми мои страданья!
Бѣжимъ, бѣжимъ скорѣй
Въ деревню, въ уголокъ укромный,
Подальше отъ столицы вѣроломной,
Подальше отъ завистливыхъ людей!...
Тамъ счастье, тамъ покой...

Пушкинъ (съ напускнымъ спокой-
ствіемъ).

Нѣтъ, женка дорогая,
Ты попусту разстроила себя.
Все это пустяки! Иди, за чашкой чая
Въ столовой гости ждутъ тебя.
Будь умницей (Цѣлуетъ ее), утри скорѣе слезы,
Вотъ такъ...

(Вытираетъ ей слезы и провожаетъ до двери,
которую за нею затворяетъ.)

Насталь возмездья день!..
Меня ужъ не смутятъ ни просьбы, ни угрозы,
За ними я вездѣ пойду, какъ смерти тѣнь!...

(Подходить къ авансценѣ)

Обиду до конца извѣдавъ,
Теперь я въ жилахъ чую вновь
Наслѣдство африканскихъ дѣдовъ,—
Отелло бѣшеную кровь!...

Посланье мнѣ нашепчетъ злоба,
Чтобъ сняли маски наконецъ,
Хотя бы передъ крышкой гроба,
И сынъ и низостный отецъ...

(Садится за столъ и нервно пишетъ.)

З а н а в ѣ с ь.